

Руки в резиновых перчатках выводят катетер. Капля крови срывается с иглы и разбивается о мою ладонь. Я подношу руку ко рту и слизываю кровь. Она кисло-сладкая. По телу расползается привычная усталость. В голове шум. Мысли наталкиваются друг на друга. Хочется спать. С трудом поворачивая голову, я наблюдаю, как закачивают кровь в мальчика, лежащего на соседней койке. Это мой сводный брат. У Егора серьезное заболевание. Без регулярного переливания он умрет. Я его донор. Тетя Римма, мама Егора, нежно гладит сына по голове. Я замечаю - она плачет. Егор раздраженно вертит головой и показывает мне язык.

Началось все с того, что я появился на свет. По рассказам бабушки, до последнего момента мама сидела дома, предпочитая соседскую старушку-знахарку опытным акушерам. Как только у мамы начались схватки, батя завел ржавую «буханку» и мы поехали в роддом. Но довезти меня не успели. Когда отец выносил маму из машины, я выпал прямо на снег, прихватив с собой длинную,

скользкую пуповину. Выбежали медсестры, подняли меня, завернули в пуховую шаль, и отнесли в роддом. Через восемь лет мама и папа погибли в аварии. Потом умерла бабушка. От родных мне досталась лишь побрякушка на веревочке, вроде амулета с изображением человечка, натягивающего тетиву лука со стрелой.

Воспитатели в детском доме стали называть меня Сашей. А ребята из-за моей худобы дразнили Глистом. Поначалу было конечно неприятно, но потом я свыкся с обидным прозвищем. К тому же, каждый из ребят носил свою кличку: Барсук, Гнилой пупок, Шмоня, Зоб ...

Жили мы дружно, хотя иногда меня поколачивали. Били в основном старшие мальчишки, да и то когда были выпивши. Однажды один из них схватил амулет и пытался сорвать его с моей шеи. Не помня себя от ярости, я сжал глотку обидчика с такой силы, что он повалился на пол и закашлялся. И меня оставили в покое. А некоторые даже стали побаиваться.

После того как мне исполнилось одиннадцать, и меня забрали из детского дома, я мало чего вижу кроме больничных коек, надоевших катетеров и равнодушных глаз врачей.

Из меня литрами выкачивают кровь, чтобы продлить жизнь больному брату. В последнее время стало трудно передвигаться. Сил едва хватает, чтобы доковылять до туалета. Но заботливая тетя Римма с дядей Женей не забыли обо мне. На днях купили подержанную инвалидную коляску, и теперь меня легко можно отвезти в ближайшую больницу на переливание.

Я ненавижу будни. Когда взрослые уходят на работу, до обеда я остаюсь один на один с Егором. В обед приходит наша сиделка Сонечка. Она студентка. Учится в медицинском училище на втором курсе. Это суетливая девчушка с легкомысленными кудряшками и пронзительно звонким голосом. Обычно она приходит около часу дня, разогревает обед и зовет Егора на кухню. После того как

они поедят, Сонечка приносит мне в койку остывший суп. Почему бы ей не усадить меня в коляску и не отвезти на кухню, чтобы я пообедал как все нормальные люди? Загадка. Наверное, ей попросту лень со мной возиться. Потом она торжественно вручает нам с Егором по гематогену. Затем Сонечка включает в соседней комнате телевизор и выбирает музыкальный канал. Подходит к книжной полке, не глядя выуживает книгу и протягивает мне. Я молю Бога, чтобы книга не оказалась «Капиталом» Маркса. Несколько раз она все же попадалась ей под руку. И мне приходилось вновь бездумно блуждать глазами по строчкам. Мне стыдно просить Сонечку подать другую книгу. А вдруг обидится? Скажет: «вот маленькая привереда. Это ему не так и то не эдак. Бегаешь тут вокруг них, как угорелая, а они все недовольны».

Иногда Сонечка приводит подругу. От Любани вечно пахнет табаком и водкой. Любаня - полная, разбитная деваха с крашеными хной волосами и грубоватым голосом. Она редко приходит с пустыми руками. Девчонки любят закрыться в зале и, перекрикивая надрывающийся телевизор, громко чокаться стаканами.

Егор в это время развлекается по-своему. Он тихонько крадется к кровати, выдергивает книгу из моих рук и вырывает несколько страниц. Тщательно скомкав, заталкивает бумажный комок мне в рот, приговаривая:

- На-ка, покушай, сопля!

И дико гогоча, он шныряет в свою постель.

Несколько раз Егор лупцевал меня проводом от видика. Когда Егору тоскливо, он колет иглой мне в спину. Ему нравится наблюдать, как я вздрагиваю и чешу уколотое место. Пожалуй, самая безобидная Егоркина забава - это раскалить монету и затолкать ее мне в колготки. От этого весь пах и ляжки у меня в ожогах. Некоторые уже успели зарубцеваться, но есть и свежие, похожие на выпуклые пуговицы.

Однажды у Егора случился приступ. До смерти перепуганные дядя Женя и тетя Римма вызвали Скорую помощь. Моего мучителя увезли. Я остался в квартире один. Впервые вздохнул с облегчением. Валялся в кроватке, фантазировал, рисовал в голове всякие забавные ситуации и громко смеялся. Наблюдал за солнечным зайчиком, который так забавно прыгал по шторе. Казалось, будто бы он радовался вместе со мной, и от счастья скакал между складок велюровой шторы. Потом прилетела большая муха и засеменила по перилам моей койки. Я подмигнул ей:

- Привет, мой крылатый друг! Как настроение?

- Хорошо,- будто бы ответила она, и, забавно потерев мордочку, взлетела на потолок.

Там она сделала круг почета и забралась на люстру.

- Ишь ты какая!- шутливо погрозил я ей пальцем.- Хулиганка!

Муха слетела с люстры, немного покружила по комнате и вылетела в распахнутую форточку.

- «Прощай!- прокричал я,- возвращайся скорей!»

Над моей кроватью висел огромный ковер красного цвета со множеством всяческих завитушек и узоров. Я водил по ним пальцем, воображая огромный грузовик, который несется по извилистому шоссе. Останавливается в мотелях, водители там спят, а в ближайшем кафе едят шашлык.

Вдоволь навеселившись, я не заметил, как настал вечер. Соня сегодня не приходила, потому что был выходной день. А мне, как на зло, захотелось в туалет.

- Ничего,- успокаивал я себя,- потерплю, не маленький.

Глянул на настенные часы - было без двадцати десять.

«Сейчас придут тетя Римма с дядей Женей и отнесут меня пописать»- размышлял я.

Хотел выбраться сам, но руки были слишком слабы, а стенки кровати – чересчур высокие. От попыток этих писать захотелось еще сильнее.

Я старался не думать о том, что мочевой пузырь может лопнуть. Пытался хоть как-то отвлечься, но все было бесполезно. Дико заболел живот, будто бы там перекатывались огненные шары. Я свернулся калачиком и старался дышать как можно глубже и реже. Ничего не помогало.

Потом я обмочился. Сначала было приятно чувствовать, как теплая струйка бежит по моим ногам и живот постепенно сдувается. Боль, потерпев фиаско, отступала. Это воистину были секунды блаженства.

Но ночью я замерз до мозга костей! Хорошо еще, что я сообразил отбросить в сторону одеяло и оно не промокло, а то совсем бы мне худо сделалось. Я лежал на сырой простыне, закутавшись в одеяло. Зубы отстукивали барабанную дробь. К утру меня ненадолго сморило.

Мне всегда снится мама. Только почему – то всегда безликая. Вместо лица у нее размытое пятно. Вот мы катаемся на аттракционах. Пластмассовые лошадки прикреплены к крутящейся платформе. Мама сидит впереди. Платформа крутится, а я протягиваю к ней руки и зову: «мама, мама!» Играет оркестр. Музыка становится очень громкой. Я надрываюсь, стараюсь перекрыть оглушительную музыку, но вдруг понимаю, что просто шепчу. И мама не слышит меня. Я сползаю с лошади, пытаюсь побежать, но не могу сделать и шага. Мои ноги будто приклеились к полу. А мама все удаляется и удаляется, пока не превращается в крохотную точку...

Проснулся я от дикого холода. За окном лил дождь. Ветер раскачивал форточку из стороны в сторону. Я приподнял голову, прислушался. Дома по-прежнему никого не было. Холодная судорога сковала тело, кожа покрылась мурашками. Ноги и спина нестерпимо зудели. Я забрался под одеяло с головой и стал ждать. Что же еще

оставалось делать беспомощному уродцу с ногами как вата...

Вскоре послышался шум открывающийся двери. Затем сдавленные голоса и звон ключей.

«Пришли!»- обрадовался я, но, вспомнив про свой конфуз, спрятал голову под подушкой.

Тетя Римма вошла в комнату. Украдкой я выглянул из-под подушки. Моя приемная мать металась по комнате и собирала постельное белье. Ее глаза были красные, волосы взлохмачены.

- Так,- размышляла она вслух,- еще полотенце и пододеяльник, - фу, как мочой воняет!

- Жень,- крикнула она мужу, - иди сюда! Он тут обоссался, по ходу. Посмотри там горшок в кладовке.

Тетя Римма приподняла мою подушку, я притворился спящим. Она больно ткнула пальцем мне в голову:

- Что ж ты делаешь, негодяй! У нас такое горе - Егорка в больнице, а ты ссышься!

- Извините,- прошептал я,- я не нарочно.

- О, Господи,- вздохнула тетя Римма.

Вошел дядя Женья и поставил горшок под кровать.

- Неси его в ванную и искупай!- командовала тетя Римма,- я пока поменяю тут все. Фу, воняет-то как!

- Кушать хочешь, Саш?-спросил дядя Женья, поливая на меня из ковшика.

Я кивнул, опустил глаза и стал рассматривать мыльный пузырь, который кружил вокруг моего колена.

- Ты уж прости, не покормили тебя, - говорил он,- закрутились мы с Егорушкой... Плохо ему.... Под капельницей лежит. Скоро и твоя помощь ему понадобится. Вот оклемается немного...

Потом он усадил меня на стиральную машину и бережно обтер махровым полотенцем, на котором серыми нитками было вышито «Евгений».

Дядя Женя был единственным человеком в этом доме, у кого в груди билось настоящее человеческое сердце. Только робкое и безвольное.

Как и сказал дядя Женя, на следующий день меня отвезли в больницу. Предварительно накормили от пуза, вручили огромную плитку шоколада с бокалом горячего чая. Я быстро ее слопал. Затем меня уложили на кушетку и вонзили катетер в вену.

Процесс пошел. Насос заработал.

Вскоре Егор поправился. Кололи ему уже только витамины. Его щеки вновь залились румянцем и он стал потихоньку выбираться из палаты и носиться по коридору, как ошпаренный. Я же, напротив, сделался бледным как смерть, руки, и без того худые, превратились в тонкие нити.

Мне тоже стали делать витаминные уколы. В попу и плечо.

Тетя Римма навещала нас по три раза на дню. Приносила сладости и фрукты. Мне тоже кое-что перепадало. Дядя Женя притащил маленький черно-белый телевизор и настроил его на детский канал. Там целыми днями крутили мультфильмы.

И слава Богу! Телевизор хоть на какое-то время займет Егора, а то я уже стал замечать, как он хитро косится на меня, замышляя, наверное, очередную гадость.

Мои предположения подтвердились. Проснувшись от нестерпимого жжения (Егор чем-то обмазал мое тело), я увидел, как он распутывает узелок на моей веревочке с кулоном.

- Что ты делаешь?!- закричал я, - убери руки, гнида!

- Заткнись ты, - прошипел он, и что было силы дернул за веревочку. Она лопнула, до крови располозовав мою шею.

Егор размахнулся и выбросил кулон в открытое окно.

Мое сознание помутнело. Я бешено вскрикнул и вцепился ему в шею. Руки сделались каменными. Я сильнее и сильнее сжимал хватку. Егор хрипел, изо рта текла слюна, он судорожно колотил ногами по кровати, пытался разжать мои пальцы, хватал губами воздух, бил меня по рукам...

Я бы придушил его, если бы в палату не вошла медсестра.

Это немного привело меня в чувство, и я отпустил Егора. Тот, пошатываясь и кашляя, побрел к своей койке.

- Это что это у нас за игры!- всплеснула руками медсестра,- выздоровели уже? Скоро выпишем, и играйте себе на улице сколько влезет! Устроили тут войнушку, хулиганье эдакое.

- Он чуть не убил меня, этот придурок!- сказал Егор, - чуть не задушил!

Он поглаживал шею.

- Ну, ну. Хватит. Не задушил чуть, - ответила медсестра, - ты посмотри на него. Два мосла и кружка крови. Сейчас вам ужин принесу, потом выключите телевизор свой и спать.

Она вколола мне что-то и вышла.

Ужинать я не стал. А только отвернулся к стене, накрылся одеялом и горько зарыдал.

В ту ночь я не мог уснуть. Ворочался с боку на бок, если и забывался на несколько минут, то снились кошмары....

Я видел, как Егор встал с кровати, на цыпочках подошел ко мне, поводит перед лицом ладонью, проверяя, сплю ли я. Затем вернулся, взял подушку и еще медленней обычного, зловеще так, стал приближаться.

Когда он опустил подушку на мое лицо и прижал ее всем телом, сопротивляться не было сил. Не было и желания. Через мгновение стало нечем дышать, в глазах зарябили огоньки, и я увидел, как капля крови срывается с иглы и разбивается о мою ладонь. Я подношу руку ко рту и

слизью кровью. Она кисло-сладкая. По телу расползается привычная усталость. В голове шум. Мысли наталкиваются друг на друга. Хочется спать. Я засыпаю...